

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 25 марта 1981 г.)

Многоуважаемая Ирина Владимировна!

Месяца полтора тому назад я послал Вам письмо, в котором официально поставил Вас в известность о том, что Ваша статья «Мир, общество, человек в тютчевской лирике» принята редакцией «Литературного наследства» и будет напечатана в нашем «тютчевском томе». В этой связи я просил Вас воздержаться от публикации Вашей статьи, целиком или в отрывках, в каких-либо других изданиях. Кроме того, я просил Вас сообщить нам, имеются ли у Вас какие-либо вставки или изменения к тексту статьи, давно уже представленной Вами К.В. Пигарёву (как Вы знаете, он серьёзно болен и вынужден был отойти от работы).

С нашей стороны никаких просьб по тексту статьи нет. Она нам очень нравится.

Прошу Вас обо всём этом вторично (написать), так как не получил ответа на своё первое письмо, быть может, оно не дошло до Вас.

С уважением
Соредактор К.В. Пигарёва
по «тютчевскому тому»,
член редколлегии «Лит. наследства»,
д-р филологич. наук С. Макашин

Отрывок из письма С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 24 ноября 1981 г.)

Многоуважаемая Ирина Владимировна!

Вчера получил Вашу статью и тотчас же прочитал. Впечатление — отличное. Статья Ваша и раньше мне нравилась. Произведённая Вами доработка улучшила (а не ухудшила, как нередко бывает) Вашу работу. Главный её положительный клад(?) — глубокое проникновение в «душу» тютчевской поэзии, такой её анализ, который не сушит и не анатомирует поэтическое... Одним словом, Вы поражаете чистотой своего непосредственного выражения любви к поэту.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 3 мая 1982 г.)

Многоуважаемая Ирина Владимировна!

Простите, что по обстоятельствам с таким опозданием отвечаю на Ваше письмо. И сам был болен, и больна моя жена. Надеюсь, что у Вас всё обошлось благополучно и что Вы уже дома. Очень надеюсь.

«Тютчевский том» подвигается, но очень медленно. Появляются новые материалы, которые нельзя не ввести. Возникает и необходимость в некоторых новых статьях и комментариях. А вот хороших специалистов мало и почти все они больны. Всё же, однако, к намеченному сроку (начало 1983 г.) рукопись тома, я полагаю, будет готова к утверждению и к сдаче в Издательство.

А теперь обращаюсь к Вам со следующим новым предложением. В декабре в нашем ИМЛИ состоится советско-итальянский симпозиум по Тютчеву. И мы просим Вас принять в нём участие и сделать, на материале Вашей статьи, доклад (минут на 30–35). Другой основной доклад сделает, о публицистике Тютчева, о публицистике Тютчева, проф. С. С. Дмитриев. Затем будет один или два доклада итальянцев и ряд наших и их сообщений, в том числе и о «тютчевском томе» «Литнаследства». Вызов Ваш в Москву и пребывание здесь на время симпозиума — за счёт ИМЛИ. Надеюсь, что ничто не помешает Вам дать согласие на это предложение. И если состояние Вашего здоровья позволит Вам — прошу сейчас же подтвердить Ваше согласие.

Всего Вам доброго.

С уважением С. Макашин.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой
(Москва, 11 октября 1983 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Только что возвратился из Ялты, нашёл среди накопившихся писем Ваше письмо и спешу первой ответить Вам.

По-видимому, это моё письмо не дошло до Вас, так как я помню, что отвечал Вам на заданные мне вопросы. Боюсь, однако, что письмо было писано от руки и его копии у меня нет. Выясню это, когда буду через 1½ недели в редакции (я ещё в отпуске). И если копия есть, pošлю Вам.

Вы разочарованы чем-то в нашем очном знакомстве. Собственно, я, кажется, понимаю, чем именно. Это Вы раскрыли в той части письма, которое посвящено Чуковскому и присущему ему живому интересу к живым людям. Да, это драгоценная черта, и я не могу не признать, что она у меня бывает часто заслонена почти постоянным рабочим цейтнотом и общей напряжённостью московской жизни. Но внимание к людям я ценю и стремлюсь не забывать о нём. У Вас возникло даже ощущение, что наше личное знакомство как бы не состоялось. Если хотите знать откровенно, то так же и моё ощущение. Но я-то знаю, отчего это произошло. Если бы мы встретились у меня дома, как я на это надеялся, то, вероятно, всё было бы по-другому. Но это могло бы быть в другое время, а не тогда, в дни тяжёлого и опасного обострения болезни моей жены, когда я весь был подчинён и мыслями, и настроением тому, что происходит дома. Жена и сейчас больна, хотя Ялта оказала на неё благоприятное воздействие, и ей лучше.

Но, по-видимому, главное, что огорчило Вас в нашем разговоре, — это некоторые мои суждения о Корнее Ивановиче. Очень возможно, что я был неосторожен, прямолинеен в оценке некоторых сторон его характера. И всё же Вы, по-видимому, неверно восприняли моё понимание блестящего дарования и сложного характера Корнея Ивановича. Чтобы ясно изложить мой взгляд на него, следовало бы написать много, для чего нет времени. И в моей жизни часы и дни, общения с К. И. — принадлежат к светлым пятнам. Но я привык смотреть на людей не с одного боку, поскольку нет людей линейных; они все объёмны. Мои замечания о случаях «непринципиальности» К. И. всегда сопровождаются, в моём сознании, убеждением, что они сами-то К. И., вероятно, не осознавались за таковую. И это потому, что он был по преимуществу художественной натурой, а не человеком, всегда сверяющим своё поведение с мировоззрением. Для выдающихся деятелей **вальяжное?** общественное мнение, такое невольное, неосознанное двоегласие — недостаток конкретной личности. Для художественных натур — это почти что норма и за (кон)? Во всяком случае на моём общем вполне? положительном отношении к К. И. эти мои фразочки не отразились. Да и отношения у нас были добрые. Они омрачались на время лишь дважды. Первый раз, когда я напечатал в «Лит. наследстве» заметку покойного С. П. Шестерика о неизвестном произведении Некрасова **«Как я велик»?** (в ней излагалась, но одна(ко) ж вторая, другая точка зрения, чем у К. И.). И второй раз, когда я не принял (не мог принять по совокупности объективных обстоятельств) предложение «Огонька» написать рецензию на книгу К. И. «Некрасов», которую ставлю очень высоко. Потом всё сгладилось.

—
С «тютчевским томом» (там Голос с Вашей статьёй) всё в порядке. Он медленно подвигается к заключительному этапу сдачи рукописи в набор. Но всё это мною предстоит сделать, хотя «го(н) им и возла!».

Всего Вам доброго.

Ваш С. Макашин.

Москва 11/X 83

P.S. Боюсь, что Вы и половины написанного не разберёте. Такой ужасный почерк. А на *машинке писать так и не научился*.

Приписка на полях: Очень хорошо, что книга воспоминаний о К. И., и Ваш вклад в неё появится новым изданием.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 10 февраля 1984 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Действительно, не везёт нашей с Вами встрече в Москве. Надеюсь, однако, что рука Ваша придёт в нормальное состояние и Вы сможете приехать к нам.

Благодарю Вас за разрешение поступить по моему усмотрению с теми страницами Вашей статьи, на которых возникают некоторые сопоставления между Тютчевым и другими поэтами. Мне думается, что я понял, что Вы хотели сказать здесь. Но вот беда, Ваш материал невольно обнажает один из существенных недостатков нашего тома — отсутствие в нём статьи «Тютчев и русская поэзия (литература)». Такая статья предполагалась и была заказана Д. Д. Благому. Но он нас подвёл, статью не написал.

Ещё раз желаю Вам скорейшего выздоровления и приезда в Москву.

С глубоким уважением

Ваш С. Макашин.

Письмо С. А. Макашина И. В. Петровой

(Москва, 15 мая 1989 г.)

Дорогая Ирина Владимировна!

Только что получил Ваше письмо, как всегда, грустное. Прежде всего, желаю Вам по возможности быть мужественной во всех перипетиях и непредсказуемостях жизни — категории, в мироздании, суровой и даже жестокой. Я и сам держусь этого направления и молю судьбу, чтобы и применительно к моей тяжело страдающей жене, и ко мне самому оправдалась бы строка Ахматовой (кажется, её): «И мужество нас не покинет».

Не писал я Вам долго потому, что на меня сверх всяких и многих дел свалилась необходимость срочно разработать план нового тома «Литературного наследства», посвящённого русской зарубежной литературе, т.е. литературе первой волны русской эмиграции. Это моя старая «заявка», над которой я работал и во время своих поездок в Париж и встреч с очень малым уже кругом эмигрантов первой волны. Сам я занимаюсь этим томом уже не смогу, но разработать план должен был, да и не столько сейчас для нашей редакции, сколько по просьбе Отдела культуры ЦК (хотя я не член партии). От него зависит, быть или не быть этому «белогвардейскому» тому включённым в перспективный план «Литературного наследства». Работа оказалась очень сложной и прямо-таки измотала меня. А тут ещё 100-летие со дня смерти Щедрина. Уклониться мне от участия в ознаменовании этой даты было невозможно. Пришлось написать статью для «Литературной газеты» и мемуарный очерк «Изучая Щедрина» для «Вопросов литературы» (для № 5-го). Поэтому пришлось последние два месяца отказаться от всех других дел и жить в суровой рабочей «схиме».

Спасибо Вам за отзыв о моей статье. Получить его мне от Вас было очень приятно.

Вы пишете о желательности отдыха для меня. Его не будет, и это по двум и даже по трём причинам. Во-первых, состояние здоровья Таисии Михайловны (отчасти и моё) таково, что уезжать куда-либо от московских врачей нельзя. Во-вторых, и ехать некуда — мы ездили прошлые годы за границу, в Ялту и по Волге. Всё это теперь отпало по состоянию здоровья. А, во-вторых и в-третьих, я как-то натренировал себя работой без всяких пауз, что так и не научился отдыхать. И в Ялте, а отчасти и в Париже я работал. Но старость стала нагонять меня всё быстрее и быстрее, и с этим ничего не поделаешь. Я очень огорчён чудовищными задержками с высылкой Вам гонорара издательством «Наука», а также авторского экземпляра тома. Сейчас звонил в бухгалтерию: дали слово перевести Вам деньги в самые ближайшие дни, но почтовым переводом, а не перечислением на сберкнижку (что-то им показалось неясным в сообщённых Вами данных о Сберкассе). Авторские экземпляры «тютчевского тома» также задержались в издательстве. Будут получены нами на следующей неделе. Бюрократия царствует всюду. Когда выйдет моя книга — «Последние годы Салтыкова-Щедрина», — она будет выслана Вам (обещали выпустить к 100-летию, а выпустят в середине лета или в начале осени).

Завтра увижусь в Союзе писателей с Урновым и ещё раз поговорю с ним о Вашей статье.

Всего Вам доброго, не хандрите.

Ваш С. Макашин.

P.S. «Литературная газета» и «Вопросы литературы» ищут автора для рецензии по «тютчевскому тому». Не знаю, найдут ли.

2-я книга «тютчевского тома» давно уже прошла этап сверки, но выпуск в свет что-то задерживается. Обещают — в который раз — скоро», но влиять на издательство мы не можем.

P.P.S. Куда-то заложил Ваше письмо, в котором Вы сообщаете о переименовании улицы, на которой Вы живёте. Новое название я забыл и адресую письмо по старому названию. Думаю, что дойдёт.

ЛИТЕРАТУРА

Петров А. В. 2009: Пани Ирэна Петрова // Магнитогорский металл. 13 января.

Петрова И. В. 1973: Анненский и Тютчев // Искусство слова: сб. ст. к 80-летию Д. Д. Благого. М., 277–278.

Петрова И. В. 1988: Мир, общество, человек в лирике Тютчева // Литературное наследство. Т. 97. Фёдор Иванович Тютчев. Кн. I. М., 13–70.

Петрова И. В. 1995: «Исследователи не имеют права на фальшивую ноту...» (Письмо Н. Г. Антокольского о Тютчеве) // ПИФК. 2. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 246–260.

Петрова И. В. 2002: Бесстрашие духа («Пир во время чумы» А. С. Пушкина) // Пушкин: альманах / С. Г. Шулежкова (ред.). Вып. 3. Магнитогорск, 184–204.

Подгорский А. В. 2002. «Живи, да будет лик твой тих...» // Магнитогорский рабочий. 23 октября.

Фасхутдинов Р. М. 2003: Постигая Тютчева // Магнитогорский рабочий. 31 октября.

Шулежкова С. Г. (отв. ред.) 2007: Петрова Ирина Владимировна. Люди, дела, традиции: энциклопедия МаГУ (1932–2007). Магнитогорск.

*С. Г. Шулежкова,
доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и истории языка
Магнитогорского государственного университета*